

А. А. Брусевич

УДК 821.162.1

Кафедра белорусской филологии, филологический факультет, Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Гродно, Республика Беларусь

Кафедра истории белорусской литературы, филологический факультет, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЭТИКИ И ЭСТЕТИКИ ТАДЕУША МИЦИНЬСКОГО

Статья посвящена Тадеушу Мициньскому, польскому модернисту, чье творчество тесно связано с белорусско-русско-польской художественной парадигмой, сформировавшейся на пограничье модернизма и панславизма. Рассматриваются некоторые особенности поэтики и эстетики, в частности, проблема функционирования мифологических мотивов и образов в поэзии данного автора.

Ключевые слова: модернизм; панславизм; мифология; Тадеуш Мициньский.

Образец цитирования: Брусевич А. А. О некоторых особенностях поэтики и эстетики Тадеуша Мициньского / А. А. Брусевич // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2023. – № 1. – С. 23–30.

A. Brusevich

Department of Belarusian Philology, Hrodna State Janka Kupała University;

Doctoral student of the Department of History of Belarusian Literature of the Faculty of Philology, Belarusian State University

ON SOME FEATURES OF THE POETICS AND AESTHETICS OF TADEUSH MITSINSKY

The article is dedicated to Tadeush Mitsinsky, a Polish modernist whose work is closely connected with the Belarusian-Russian-Polish artistic paradigm, formed on the borderline of modernism and pan-Slavism. Some features of poetics and aesthetics are considered, in particular, the problem of the functioning of mythological motifs and images in the poetry of this author.

Keywords: modernism; pan-Slavism; mythology; Tadeush Mitsinsky.

For citation: Brusevich A. On some Features of the Poetics and Aesthetics of Tadeush Mitsinsky. Sophia. 2023;1:23–30. Russian.

Автор:

Анатолий Александрович Бруевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской филологии филологического факультета УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»; докторант кафедры истории белорусской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета.

<https://orcid.org/0000-0002-0007-5147>
brusevich_aa@grsu.by

Author:

Anatol Brusevich – Docent, PhD of Philology, Associate Professor of the Department of Belarusian Philology, Hrodna State Janka Kupala University; Doctoral Student of the Department of History of Belarusian Literature of the Faculty of Philology, Belarusian State University.

В 2023 году исполняется 150 лет со дня рождения Тадеуша Мициньского (1873–1918) – выдающегося польского писателя-модерниста, представителя литературы «Молодой Польши», чье имя, к большому сожалению, если даже известно постсоветскому русскоязычному читателю, то только по немногочисленным переводам некоторых стихов из сборника «Во мраке звезд» («W mroku gwiazd»), который вышел еще в 1902 г. и был единственной книгой поэзии, изданной при жизни писателя.

С русскоязычными переводами стихотворений Т. Мициньского можно познакомиться, например, заглянув в уникальное издание «Книга павших. Поэты Первой мировой войны. Антология мировой поэзии» [3], вышедшее под патронатом Евгения Лукина, российского литератора, эссеиста и переводчика. Десяток переводов на русский язык стихов польского поэта принадлежат историку искусства и члену Российского союза писателей Нине Матвеевой-Пучковой: «её» Т. Мичиньский (такое написание фамилии Т. Мициньского иногда встречается в российских источниках) вместе с другими знаменитыми авторами (Яном Кохановским, Яном Анджеем Морштыном, Юлиушем Словацким, Антонием Ланге, Казимежем Пшерва-Тэтмайером, Болеславом Лесьмяном, Марией Павликовской-Ясножевской, Бруно Ясенским и Кшиштофом Камилем Бачинским) был представлен в недавно вышедшей книге «Эхо. Избранные переводы с польского. Вторая половина XVI – первая половина XX вв.» [4].

На белорусский язык шесть стихов польского модерниста перевела Ирина Ходоренко, опубликовав их в журнале «Дзеяслоў» [7]. Скромный вклад в «белоруссизацию» поэзии Т. Мициньского внес и автор данной статьи [6].

К слову, ни драматургию, ни публицистику этого писателя никто пока еще не переводил ни на язык Пушкина, ни на язык Купалы и Коласа. Ничего не известно и о современных переводах прозы Т. Мициньского. Анализ интернет-ресурсов и ряда библиографических источников показывает, что единственным прозаическим произведением Т. Мициньского, переведенным на русский язык, стал рассказ «Любовь Анагиты» («Miłość Anahity»). О его публикации на страницах московского общественно-политического и литературного еженедельника «Армянский вестник» упоминает в своей книге «Русская художественная литература и геноцид армян» Михаил Амирханян:

«Давний друг армянского народа известный польский поэт Тадеуш Мициньский, много переводивший на польский армянских поэтов, путешествуя по Турции, слышал рассказы о мужестве и патриотизме армянской девушки. Он написал полный драматизма с трагическим исходом публицистический рассказ “Любовь Анагиты”. Этот рассказ в переводе с польского в 1916 г. был напечатан в “Армянском вестнике”» [1, с. 228]. Заметим, упомянутый рассказ впервые появился в начале все того же 1916 г. в московском польскоязычном журнале «Echo Polskie» («Польское эхо») [15], откуда, вероятнее всего, и был взят для дальнейшего перевода на русский с целью публикации в «Армянском вестнике». Примечательно, что перевод был осуществлен Валерием Брюсовым [5], одним из наиболее ярких представителей русского символизма, поэтом, чьи творческие интересы и художественные предпочтения весьма схожи с литературными и эстетическими предпочтениями Т. Мициньского. М. Амирханян, между прочим, на данный факт не обращает специального внимания, не проявляя интереса к аналогиям в наследии Т. Мициньского и В. Брюсова. Тем не менее в своей книге он заявляет, что «деятельность В. Брюсова в русско-армянских отношениях не имеет себе равных» [1, с. 236].

Итак, творчество Т. Мициньского, можно сказать, почти не представлено на необъятных просторах постсоветского культурного пространства: для рядового русско- и белорусскоязычного читателя это самая настоящая «terra incognita». С другой стороны, большинство историков литературы, включая авторитетных российских полонистов (Наталью Богомолу, Ольгу Медведеву, Виктора Хорева, Елену Цыбенко), стремились не забывать о творчестве данного автора, подчеркивая талант произведений Т. Мициньского, которые «призваны передать ощущение хаоса жизни, потерянности и одиночества человека на земле перед лицом враждебных ему, непознанных дьявольских сил» [13, с. 44]. Вместе с тем, ни в советском, ни в современном российском литературоведении не было и нет ни одной монографии, посвященной творчеству этого замечательного автора.

Немного лучше дела обстоят в современной белорусской полонистике: в 2016 г. Еленой Нелепко была защищена кандидатская диссертация на тему «Драматургия Тадеуша Мициньского: проблематика и поэтика», которой предшествовала публикация одноименной монографии [8]. Исследовательница пришла к интересным выводам, проведя, например, параллели между отдельными драматическими произведениями польского модерниста и пьесами Янки Купалы: оказывается, некоторые мотивы в творчестве Т. Мициньского встречаются и у классика белорусской литературы. Заметим, в молодости будущему автору таких драм, как «Рябиновая ночь» («Noc rabinowa»), «Князь Потемкин» («Kniaź Piatomkin»), сборника рассказов «Чернобыльские дубы» («Dęby Czarnobylskie»), где явно присутствует белорусская тематика, довелось провести некоторое время (1892–1893 гг.) на Гомельщине, работая домашним учителем, что в дальнейшем имело «влияние на формирование эстетических, художественных, философских и политических взглядов будущего писателя и стало органической частью его творчества» [9, с. 1].

Следует добавить, что не только «интеллектуальная среда Гомельщины» [9, с. 1], но и сама белорусская земля вдохновляла польского литератора на создание художественных шедевров мирового уровня. Об этом свидетельствует и книга стихов Т. Мициньского «Во мраке звезд», представляющая собой смесь символизма, экспрессионизма, а также сюрреализма (последнее из названных направлений, заметим,

увлекло польского автора гораздо позже его творческих поисков в области трансцендентного). Поэт посвящает книгу своей жене Марии Добровольской, которая, кстати, родом из Беларуси. Именно из посвящения мы узнаем, что стихи, вошедшие в знаменитый сборник, «в Татрах, в Риме, над Атлантикой и в лесах Полесья были написаны» [16, с. 153]. Учитывая способность Т. Мициньского заключать в каждом слове множество различных смысловых нагрузок, следует предположить, что белорусское Полесье для автора книги не просто географический объект, а один из ключевых элементов его эстетики, некий философский камень, оживляющий художественное пространство «мрака звезд». Напрашивается и аналогия с учением о четырех (плюс один) сакральных элементах, известных в различных культурах: возможно, Полесье воплощает как раз один из них, скорее всего «воздух», который вместе с «землей» (Татры), «огнем» (Рим) и «водой» (Атлантика) «запускает» процесс становления поэтического мира Т. Мициньского. Так или иначе, белорусский субстрат присутствует в творческом сознании поэта, тесно переплетаясь с элементами иных культурных традиций, порой весьма экзотических, что позволяет говорить о культивировании автором сборника «Во мраке звезд» идей космополитизма в литературе. Данная тенденция в польском (как, впрочем, и в белорусском, и в русском) словесном искусстве объясняется стечением различных обстоятельств – от попытки преодолеть некоторые традиции романтизма (например, доминирование «своего» над «чужим») до стремления вывести за пределы национально-культурного канона свою литературу ради ее частично или полного слияния с другими мировыми литературами.

Еще раз отметим, что публикацией сборника «Во мраке звезд» его автор опередил многих европейских поэтов в стремлении выйти за рамки существующих в то время художественно-эстетических принципов, идей и понятий. Уже само название книги поражает загадочностью и парадоксальностью. Рискнем предположить, что речь идет именно о мраке той «высшей реальности», приблизиться к которой впоследствии пытались сюрреалисты (Андре Бретон, основатель направления, Луи Арагон, Филипп Сюпо, Поль Элюар и ряд других литераторов). Или даже утверждается мысль о невозможности подобного приближения, ибо тьма есть отсутствие света. Правда, можно только догадываться, какой свет имел в виду поэт-модернист. Учитывая непреодолимое стремление Т. Мициньского черпать вдохновение из различных философских систем, из религиозно-мистических, оккультных и эзотерических учений, из мировой мифологии (прежде всего библейской), можно предположить, что «светом» для автора книги «Во мраке звезд» является Бог: «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (1 Ин. 1:5). Соответственно, «тьма», «мрак» выступают символами греха и зла. Действительно, «Во тьме звезд» есть поэтическая интерпретация ряда онтологических проблем, центральной из которых является соотношение добра и зла, противостояние этих этических категорий и даже их определенная взаимообусловленность.

Найти ответы на ряд непростых вопросов, поставленных лирическим героем и самим автором, в первую очередь помогает Библия, поэтому стихи Т. Мициньского насыщены прежде всего библейскими образами: Иеговы (Адоная), Каина, Люцифера, Бельфегора, Аваддона, и чаще всего – Христа. Однако интересной особенностью, а может даже и закономерностью книги, является то, что поэт параллельно вводит и множество других образов и мотивов – как известных, так и достаточно экзотических, заимствованных из мифологии Древней Греции и Рима, из восточных религий, из персидских легенд и скандинавских саг, из славянских языческих верований. Среди

мифологических образов, которые Т. Мициньский использует в качестве своеобразного «моста» между разными культурами, эпохами и контекстами, можно выделить следующие: Аполлон, Гелиос, Горгоны, Калипсо, кентавры, Минотавр и др. (из греческой мифологии), Ариман, Ормузд, Ахуры и др. (из иранской мифологии), Агни (из индийской мифологии), Валгалла, скальды и др. (из скандинавской мифологии), друиды (из кельтской мифологии). Имеется также целая галерея персонажей, общих для многих мифологических систем: вампиры, призраки, орки и другие, в основном, демонические существа. Кстати, очень интересной особенностью книги «Во мраке звезд» является то, что Т. Мициньский может использовать в рамках одного стихотворения мотивы и образы, которые в принципе сложно представить рядом друг с другом. Этот художественный прием ведет к наслоению различных культур, эпох и контекстов, но в то же время создает возможность своеобразного диалога между ними, свидетельствующего не только о многогранности, но и о единстве человеческой цивилизации. Вместе с тем читатель погружается в темные глубины авторского «я»: туда, где законы логики перестают действовать и сознание полностью переходит в область случайных ассоциаций. Поэтому, например, в стихотворении «Каин» известный библейский мотив первого в мире убийства раскрывается через образы Ормузда и Аримана (олицетворения добра и зла), взятые из иранской (авестийской) мифологии:

*Jak wulkan krwawy w lonie Arymana,
jak Samum, gdy się wichrami rozuzda –
tak we mnie otchłań – gwiazdami przetkana
leciała w państwo słoneczne Ormuzda [16, с. 20].*

Кроме того, действие в «Каине» Т. Мициньского (как внутреннее, так и внешнее) начинается с появления загадочной женской фигуры: то ли прекрасной златовласой волшебницы, то ли ведьмы, то ли жрицы с лицом индийской Богородицы, в голубых искрах – серебряной прозрачности – выходящей из глубины леса (возможно, даже из белорусского, упомянутого автором в посвящении):

*Wyszła mi z boru – w złocie warkoczy
z twarzą indyjskiej Bogarodzicy –
w błękitnych iskrach – w srebrnej przezroczy –
nadksiężycowej wieszczka świątnicy... [16, с. 20].*

Даже в одном приведенном выше четверостишии наблюдается удивительное переплетение довольно неоднозначных и, казалось бы, мало совместимых образов и мотивов. У несведущего читателя сразу может возникнуть закономерный вопрос: при чем тут вообще братоубийца Каин, если стихотворение в целом о любви?! Ответ находим в одной из нетрадиционных версий причины конфликта между братьями, согласно которой второе грехопадение произошло также из-за женщины: «У Каина и Авеля была сестра (или две сестры, одна из которых была красивее другой), из-за нее и возникла ссора» [10, с. 498]. Что же касается индийской Богородицы, то и этот образ не случаен. Скорее всего, Т. Мициньский имел в виду богиню Адити. В древнеиндийской мифологии она является воплощением женского начала и матерью многих богов. Но главное – это женское божество связано «с отпущением грехов, освобождением от вины; именно об этом часто просят Адити в молитвах» [12, с. 37].

Мотив искрения, встречающийся также и в других стихотворениях Т. Мициньского, прежде всего связан с «божественным началом», некой первоосновой: как известно, из искры возникает пламя, а в большинстве мифологических систем огонь – это один из первоэлементов, участвующий в акте сотворения мира. Кроме того, искра в стихотворении «Каин» выступает как метафора инициации – действия вопреки природным инстинктам. А еще данным словом традиционно обозначают талант, божий дар, то, что вдохновляет человека. При этом для Т. Мициньского совершенно неважно, на что нацелена «божья искра» вдохновения: на любовь, борьбу, жизнь или смерть.

Мотив лунного сияния также используется поэтом не только как образное украшение стихотворения: с этим небесным светилом связано множество легенд, в том числе «об убийстве брата братом (в христианизированном варианте – Авеля Каином), которых Бог поместил на Луне как вечное напоминание об этом преступлении» [11, с. 319]. Подобные легенды бытовали и среди белорусов, о чем свидетельствуют, например, записи фольклориста и этнографа Михала Федоровского [14, с. 149]. Отметим, что сбор материалов М. Федоровским происходил в то же время, когда и Т. Мициньский находился в Беларуси. А это значит, что автор «Каина» мог слышать некоторые варианты библейской легенды о братоубийстве в белорусской народной интерпретации и впоследствии использовать услышанное в своем творчестве.

Как видим, «Каин» имеет очень сложную, многоуровневую идейно-художественную структуру. Данное произведение скорее повествует даже не о любви, а об умерщвлении этого высокого чувства, которое литературные предшественники Т. Мициньского, поэты-романтики, считали искрой божьей и главной движущей силой мира. Лирический же герой поэта-модерниста утверждает, что именно сам Бог стоит между любовью и сердцем, лишая человека возможности быть счастливым и свободным:

*Nie wzbraniał mi jej smok, żelazna wieża,
zdradny labirynt, ni królewskie ramię –
miłość zwycięży wszystko – wszystko złamie –
ale nie miłość drugą do pasterza [16, с. 20].*

Подобный мотив встречается в знаменитой мистерии «Каин» английского романтика Джорджа Байрона. Правда, здесь герой пытается восстать против установленных Богом правил, в то время как герой Т. Мициньского просто наблюдает за происходящим вокруг, не имея желаний действовать активно. Что ж, эпоха романтизма прошла, и в новой культурной парадигме выстроилась новая концепция литературного героя: одинокого созерцателя катастрофы, чаще своей собственной, внутренней, но соизмеримой с бесконечностью внешнего мира.

Многогранность мотивно-образного универсума, которую мы наблюдаем в книге стихов «Во мраке звезд» и которая, по-видимому, также основана на стремлении поэта отразить всю сложность и парадоксальность своего времени (считается, что рубеж XIX и XX веков – одна из самых сложных и противоречивых эпох в мировой истории), проявляется и в других текстах сборника.

Например, в поэме «Черное княжество» вдруг появляется героиня греческих мифов Андромеда, а рядом с ней реальная историческая личность – еврейская царица Береника. Сосредоточены здесь библейский город Гоморра и индийская Голконда, очень близко друг к другу расположились захваченный кентаврами Олимп и «адский Иерусалим» («Jeruzalem piekielna») [16, с. 11], населенный немymi сфинксами. Все,

происходящее в «Черном княжестве», напоминает страшный сон или какую-то галлюцинацию. Стоит упомянуть, что те же сюрреалисты, стремясь разорвать отношения с привычной реальностью, строили свои произведения наподобие снов, грез и галлюцинаций, используя при этом различные неожиданные аллюзии. Т. Мициньский освоил этот поэтический прием раньше, и, соответственно, ушел дальше. Как справедливо замечает Н. Богомолова, «в мире, созданном поэтическим воображением Мичиньского, разорваны не только связи с повседневностью, но и с реальной, предметной действительностью» [2, с. 104]. Тот внешний хаос, который мы как будто наблюдаем в стихах польского поэта, может быть не только странным результатом работы его подсознания (так называемого «автоматического письма»), но и вполне осмысленным приемом, направленным на разрушение традиционного, стереотипного мышления. Упомянутый выше «адский Иерусалим», по-видимому, возник не стихийно, а как некий вызов известному «небесному Иерусалиму» из «Откровения» Иоанна Богослова. Хотя можно допустить и первый вариант (спонтанное возникновение), поскольку Т. Мициньский постоянно использует «адские» образы и мотивы, делая их еще одной чертой своей поэтической книги. Почти в каждом стихотворении присутствуют мотивы ужаса, страдания, мрака, смерти, образы падших ангелов, нечистой силы, демонов, чудовищ и, как обязательный атрибут ада, мотив огня или огненной лавы. К слову, образ вулкана также нередко появляется на страницах сборника Т. Мициньского. Будучи знатоком мировой мифологии, поэт не мог не воспользоваться представлениями, например, древних римлян, согласно которым через кратер вулкана Аверн можно попасть в подземный мир (римский эквивалент ада). Отметим, что ту же роль играет Аверн в эпической поэме Вергилия «Энеида». Образ Аверна встречается и в стихотворении Т. Мициньского «Возлюбленные богов» («Kochankowie bogów»), где названный вулкан ассоциируется с царством теней или христианским адом, представление о котором, однако, базируется главным образом на греческих и римских мифах. Нечто аналогичное можно наблюдать в «Комедии» Данте Алигьери, где лирический герой-христианин, спускаясь в ад, встречает кентавров, гарпий, Минотавра, Цербера. Здесь можно увидеть отсылки автора поэтического сборника «Во мраке звезд» к традиции великого итальянца – использованию образов тех же кентавров или Минотавра, которому даже посвящено отдельное одноименное произведение. Впрочем, возникновение подобных образов вполне понятно, учитывая, что часть стихов, вошедших в сборник Т. Мициньского, создавалась в Риме – самом сердце итальянской культуры, бывшем центре латинской античности, в одном из самых удивительных мест мира, куда, если верить известному выражению, ведут все дороги.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы:

- творческое наследие польского модерниста Т. Мициньского определенно заслуживает внимания со стороны и белорусского, и российского литературоведения, поскольку данного автора многое связывало с культурой восточноевропейского региона, что впоследствии нашло отображение в тематике и проблематике ряда произведений – лирических (сборник стихов «Во мраке звезд»), драматических («Князь Потемкин», «Рябиновая ночь») и прозаических («Чернобыльские дубы»);
- одной из наиболее характерных черт творчества Т. Мициньского, связывающих поэта с представителями зрелого модернизма в литературе конца XIX – начала XX вв., является его удивительная способность выстраивать довольно цельное художественное пространство на основе полилога совершенно разных

эстетических идей, культурных кодов, мифологических систем и религиозно-философских парадигм;

- художественные тексты Т. Мициньского, особенно поэтические произведения, свидетельствуют о том, что их автор был одним из самых ярких представителей не только польского, но и славянского, европейского символизма, экспрессионизма, а также в некотором смысле и предшественником сюрреализма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Амирханян, М. Д.* Русская художественная литература и геноцид армян / М. Д. Амирханян. – Ереван : Айастан, 1988. – 271 с.
2. *Богомолова, Н. А.* О лирике Тадеуша Мичиньского / Н. А. Богомолова // *Studia Polonica*. К 60-летию Виктора Александровича Хорева. – М. : Ин-т сл.-вед. и балканист. РАН, 1992. – С. 101–116.
3. *Лукин, Е.* Книга павших. Поэты Первой мировой войны. Антология мировой поэзии / Е. Лукин. – СПб : Лики России ; фонд «Спас», 2014. – 480 с.
4. *Матвеева-Пучкова, Н.* «Эхо. Избранные переводы с польского. Вторая половина XVI – первая половина XX вв.» / Н. Матвеева-Пучкова. – М. : Российский союз писателей, 2020. – 116 с.
5. *Мицинский, Т.* Любовь Анагиты / Т. Мицинский // *Армянский вестник*. – 1916. – № 36. – С. 11–13.
6. *Миціньскі, Т.* Люцыфер / Т. Миціньскі // *Новы замак : літаратурны альманах*. – Мінск : Кнігазбор, 2018. – Вып. 6. – С. 170.
7. *Миціньскі, Т.* Чорны замак духу. Вершы / Т. Миціньскі // *Дзеяслоў*. – 2013. – № 5. – С. 209–212.
8. *Нелепко, Е. П.* Драматургия Тадеуша Мициньского : проблематика и поэтика / Е. П. Нелепко. – Гродно : ЮрСаПринт, 2015. – 192 с.
9. *Нелепко, Е. П.* Драматургия Тадеуша Мициньского : проблематика и поэтика : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Е. П. Нелепко ; БДУ. – Мінск, 2016. – 26 с.
10. *Папазян, А. А.* Каин и Авель [Электронный ресурс] / А. А. Папазян // *Мифы народов мира : Энциклопедия* / Гл. ред. С. А. Токарев. – М., 2008. – С. 497–499. – Режим доступа : <http://www.encyclopedia.ru/cat/books/book/29556/>. – Дата доступа : 01.03.2023.
11. *Санько, С.* Месяц / С. Санько // *Беларуская міфалогія : Энцыклапед. слоўн. ; рэдкал. : С. Санько [і інш.] ; склад. І. Клімковіч*. – 2-е выд., дап. – Мінск : Выд-ва «Беларусь», 2006. – С. 316–320.
12. *Топоров, В. Н.* Адити [Электронный ресурс] / В. Н. Топоров // *Мифы народов мира : Энциклопедия* / Гл. ред. С. А. Токарев. – М., 2008. – С. 37. – Режим доступа : <http://www.encyclopedia.ru/cat/books/book/29556/>. – Дата доступа : 01.03.2023.
13. *Хорев, В. А.* Польская литература XX века. 1890–1990. – М. : Индрик, 2009. – 352 с.
14. *Federowski, M.* Lud białoruski na Rusi Litewskiej : materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905 : w VIII t. / M. Federowski. – Kraków : Akademia Umiejętności, 1897. – Т. I : Wiara, wierzenia i przesady z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki. – 509 s.
15. *Miciński, T.* Miłość Anahity / T. Miciński // *Echo Polskie : tygodnik ilustrowany*. – 1916. – R. II, № 8. – S. 9–13.
16. *Miciński, T.* W mroku gwiazd / T. Miciński. – Kraków : Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1902. – 155 s.